

ДОМ

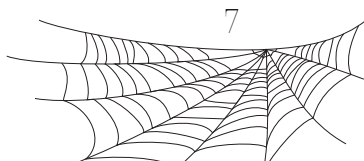
Пожалуй, в приюте не было никого лживее Маришки Ковальчик. Выдумки выходили у той до того складно, что сперва нельзя было в них не поверить. Младшегодки до сих пор ловили каждое её слово. Отец — воздушный пират, расстреливающий в небе торговые дирижабли? Маменька — одна из знатных господарочек, что вынуждены прятать результаты своего порока в сиротских домах? Мелюзге очень нравились Маришкины выдумки, а вот остальных... этот нескончаемый поток бредней, разъедающий уши, ужасно злил.



Протяжный скрежет тормозов — он едва не оглушил их всех. А затем омнибус наконец-то замер. Прямо у высоких и кованных ворот. Гомон приютских, поднявшийся ещё на подъезде к усадьбе, затихнув на миг, воротился с новой небывалой силой. И губы учителя, сидевшего впереди всех, надломались в улыбке.

Не предвещающей ничего хорошего.

Подопечные словно совсем позабыли о нём. Липли носами к стеклу, гудели и ёрзали. Толкали друг друга, переругивались. Они были будто разворошённый пчелиный улей. Взбесившиеся насекомые.



А учитель тем временем неторопливо промокнул лоб платком. Поднялся. Так же неспешно повернулся к возбуждённым воспитанникам. И не громче, чем говорил обычно, прошипел:

— Тиш-ш-шина.

И дважды повторять не пришлось.

Сначала замерли первые ряды, за ними затих и остальной омнибус.

Лишь невнятное испуганное бормотание всё ещё доносилось с дальнего конца кузова.

— Настасья... — голос Якова Николаевича был нарочито ласков.

Маришка пихнула локтем подругу. Бедняжка так была встревожена пустошью, раскинувшейся на многие вёрсты вокруг, что не заметила перемены.

Но наконец умолкла и она.

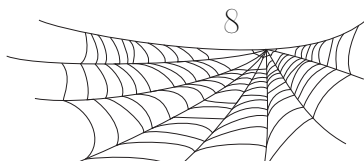
— Выходим по двое, — приказал учитель, стоило последнему голосу испуганно стихнуть. — Парами! Парами, чтобы я мог сосчитать!

Они высыпали на гравийную дорожку и выстроились, как было велено. Тридцать сирот разного роста и возраста. Те, что помладше, обриты почти наголо, остальные коротко стрижены. Головы их были что щетинистые свиные бока. Все, кроме разве старшегодок, — среди них и Маришка с Настасьей. Им по зрелости лет предстояло вскоре покинуть приют, потому разрешалось отращивать волосы.

Маришка сжимала в руках маленький саквояж, легко уместивший всё её добро, и зябко переминалась с ноги на ногу. На улице было холодно, особенно после духоты омнибуса. Холодно совсем не по-осеннему. А ведь всё ещё стоял ноябрь.

«В Ирбите было теплее», — тоскливо подумалось ей.

Яков Николаевич наспех пересчитал подопечных. И пока вёл счёт, на его лице перекатывались желваки.



— Восславим же Императора за то, что щедро одарил вас новым домом, — сказал учитель, надевая шляпу-котелок. — Только взгляните на это место...

Он умолк. И хотя больше ничего он так и не произнёс, Маришка явственно уловила, что в неоконченной фразе потерялось какое-то важное продолжение. Она нахмурилась, одаривая его смазанным взглядом. Долговязый, с солдатской выправкой и проступившей проседью на висках, Яков Николаевич напомнил своим статным видом Маришке, как в её «молочные годы» даже нравился ей.

Ковальчик задрала голову, прогоняя ненужные мысли.

Парадный фасад тёмного камня навис над ними, будто голова василиска.

— Да хранят Всевышние Императора, как родители хранят сыновей своих! — прочистив горло, Яков Николаевич поднял руки, и сироты заученно вторили его движению. — Истинно!

— Истинно! — прокатилось по толпе приютских.

— Истинно! — выдохнула Маришка.

Порыв ледяного ветра унёс их слова далеко в пустошь. Маришка старалась на неё не смотреть. Не замечать этих мёртвых, покрывшихся сизой сморозью земель вокруг.

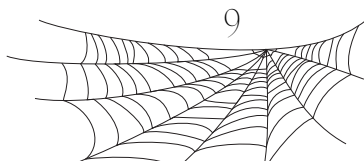
Они знали, что едут далеко на восток. Они знали — давно, заранее, — что новый их дом обжился далеко-далеко от людских поселений.

Но Маришка не думала, что найдут они его здесь — прямо среди *ничего*.

Отчего же Император выбрал для них такое место? Мог ли он не знать, где старый княжеский дом располагался...

Или могли ли его обмануть?

Маришка задержала дыхание на мгновение. От собственных преступных мыслей по телу прокатилась дрожь. *Не должно* ей было так думать. Она не сомневалась в своем повелителе. Она любила его. А он любил их.



На счастье, от ушедших куда-то не туда дум Маришку быстро отвлекли смешки и возня позади. Негромкие, но раздражающие ухо звуки. Нервирующие ровно настолько, насколько может муха, бьющаяся о стекло.

Приютская передёрнула плечами, веля себе не смотреть назад. Она знала, *кого* там увидит.

Но смех не затихал. И был неуместен сейчас. *Совсем.*

Кто-то из них — стоявших позади — наконец сдавленно хрюкнул. И больше не выдержав, Маришка обернулась.

«Разумеется», — пронеслось у неё в голове.

Володя и Александр — завсегдатаи учительской комнаты наказаний, прячась за девчачьими спинами, по очереди и наотмашь лупили ладонями по козырьку старенького кепи малыша Луки. Оно съезжало ему на лицо, когда он всё пытался его поправить и увернуться, но ничего не получалось — остальные младшегодки, обступив их плотным кольцом, корчились со смеху и не давали отойти. Тяжёлые удары находили Луку со всех сторон. Точно в шахматной партии старшие чередовали ходы: то Володя ударит, то Александр. И лицо мальчика становилось всё краснее и краснее — сомнений не оставалось: он вот-вот разревётся.

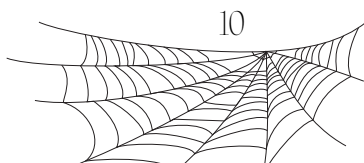
Настя тоже оглянулась, заметив, куда смотрит Маришка. И тут же вцепилась взглядом в Александрово лицо, обычно какое-то по-барски холёное и красивое, сейчас — перекошенное беззвучным хохотом.

Скривившись, Маришка поспешила отвернуться. А вот подружке цирковое представление, похоже, пришлось по нраву. Настя и не пыталась сдерживать улыбки, разглядывая, впрочем, скорее *своего ненаглядного*. Будто бы и не замечая даже, что, собственно, тот вытворяет. И всё ещё демонстрируя Якову Николаевичу свой затылок.

Маришка, сконфуженная, дёрнула подругу за рукав:

«Слушай!» — указала она на учителя одними глазами.

Об имперской милости Яков Николаевич распинался долго. Маришка слышала, как от холода стучат подружкины



зубы. Однако весть, завершившая его речь, бесспорно стоила того, чтобы стоять на морозе хоть целый день.

— Это шутка? — Нاستины светлые брови взлетели вверх.

Маришка не ответила. Она украдкой оглядывала лица остальных. По сиротской толпе бежал гул. Они были взбуждены.

Новый дом уготовил уютским дортуары на троих. Удивительная роскошь против бараков с койками — женского и мужского, — где им приходилось спать прежде.

И весть эта была... неожиданной.

И казалось, ничто не было способно разрушить исключительность того момента. Ведь им пожаловали первую на их памяти *почти собственность*. Но...

— Отчего же не на двоих? — протянул за Маришкиной спиной Володя. — Какие-то непотребства, господин Яков...

И снова россыпь сдавленных смешков.

«*Всевышние!*» — Маришка снова обернулась. Стремительно и озлобленно в этот раз.

По её мнению, Володина цыганская кровь, придававшая ему небывалой бравады, в конце концов — там, в будущем — приведёт прямиком на кол. Она была уверена, после выхода из приюта он примется промышлять не иначе как разбоем.

Он поймал её взгляд и оскалился:

— Возьмём Наську третьей, а?

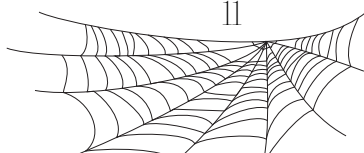
Если бы щёки Маришки и без того не горели от ледяного ветра, то она непременно покраснела бы. И с губ её почти сорвалось «мерзавец», но Настя успела предостерегающе сжать запястье.

Слова свои Володя, по обыкновению, произнёс негромко — по-крысьи, чтоб слышали только приятели. Но в этот раз всё же он просчитался.

В повисшей тишине голос его отзвучал набатным боем.

Учитель молчал.

Стихло и робкое хихиканье Володиной своры.



Разделявшее их расстояние Яков Николаевич преодолел всего в пару шагов. Удар был быстрым и хлёстким. Голова воспитанника дёрнулась, и заплатанное кепи слетело на землю, обнажая чернявую лохматую голову с клоком седых волос у виска.

— Разве дозволялось тебе, — учитель посмотрел на него сверху вниз, — открывать рот?

Тишина вокруг стала могильной.

— Я не слышу, — прошипел Яков Николаевич.

— Нет, господин.

Вернувшись к воротам, мужчина с силой толкнул створки плечом. Старые петли взвизгнули, прежде чем пустить в свои владения чужаков.

Учитель широким шагом направился внутрь, даже не трудясь удостовериться, следует ли за ним его сиротский выводок.

Володя наспех стёр кровь с подбородка и надел кепи обратно. Обгоняя Маришку, карикатурно коснулся пальцами козырька.

Она проводила его хмурым взглядом.

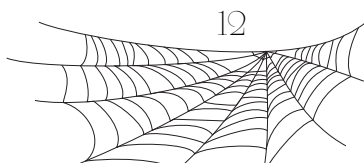
— Не бег'и в голову, — картаво шепнула ей Настя.

Маришка ничего не ответила и ускорила шаг, дрожащими пальцами заправляя за уши едва достающие до плеч волосы.

Барский дом, что возвышался над ними, когда-то был резиденцией обедневших, опальных, сосланных в дикие земли князей. Никогда и не бывший ровней дворцам древних родов, пришедший теперь в упадок, он выглядел жалко. Расколотые ступени, болтающиеся на одной петле ставни, местами разбитые стёкла — ничего здесь не пощадили ни погода, ни время.

— Никогда не подумала бы, что придётся жить в таком доме, — шепнула Насте Маришка, чуть сбавив шаг, чтобы получше разглядеть их новое пристанище.

Но подружка будто и не услышала, зачарованно таращась на фасад.



У парадного входа новоприбывших ждала шеренга просто одетых домоприслужников. Хотя шеренга — слишком громкое слово. Всего кухарка с юной помощницей (обе в застиранных, некогда белых передниках), рябой мужчина (видно, сторож или смотритель) и ещё одна женщина.

«Должно быть, горничная».

Не так уж много их было для такого большого жилища.

Никто из служителей не проронил ни слова приветствия — только молча стояли на широких каменных ступенях.

И Маришке от того сделалось неуютно.

«Будто воды в рот набрали...»

Домоприслужник распахнул перед ними высокие деревянные двери. Всё так же безмолвно.

— Чего все такие смурные? — шепнула Маришка подруге.

Но Настя снова то ли не услышала, то ли решила ничего не отвечать. Вытянув шею, подружка силилась заглянуть внутрь.

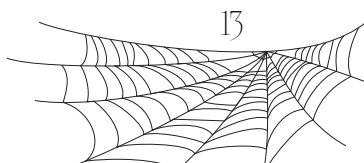
За парадными дверьми их ждала большая и совершенно голая зала. От былого величия осталась лишь лестница — вычурная, с позолоченными вензелями на перилах, устремлённая высоко вверх — туда, в тёмные потолочные своды. Она была первым, что бросалось в глаза. И не удивительно — более в зале не оказалось ничего примечательного.

На каждом этаже лестница расходилась полукруглыми галереями. Они нависали над застывшей внизу сиротской стайкой, словно театральные ложи.

— Устроим генеральную уборку, и заживёте как во *дворце*.

Маришка задрала голову. Лестничное полотно казалось бесконечным. Сколько здесь было этажей? Три? Над парадным входом галереи-ложи смыкались в кольцо. И Ковальчик на миг показалось, будто стоит она вовсе не в зале, а на дне колодца.

Под далёким потолочным сводом холодно позвякивали стеклянные бусины люстры, растревоженные сквозняком. Высокий мелодичный звон — как от музыкального треугольника — прозвучал здесь так неуместно...



Маришка обняла себя руками. Запоздало заметила, что вся дрожит.

Света вокруг мало — свечи на люстре не горели. И залу тускло обволакивали лишь пробивающиеся сквозь галерейные окна дневные лучи.

— Сдаётся мне, слухи об этом месте могут оказаться не пг'осто слухами, — вдруг сказала Настя. Но в голосе её вовсе не было страха, а вот *возбуждённого любопытства* — с лихвой.

Маришка поглядела в её восторженное лицо.

Подружке, казалось, всё нравилось. И её можно, разумеется, было понять. Барский дом, даже холодный и пропахший плесенью, был много роскошнее бывших складов, где размещался прежний приют.

Поймав на себе Маришкин взгляд, Настя слабо улыбнулась. Но не получила того же в ответ.

Нет.

Маришка её чувств не разделяла. Здесь ей было неуютно. Отовсюду веяло старостью, холодом, сыростью. Мысли о лодке никак не хотели убраться из головы.

И ещё все эти *рассказни*...

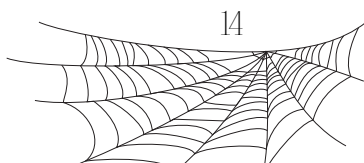
— Третий этаж, западный флигель! — каркнул рябой прислужник голосом высоким и скрипучим. — Разбирайте спальни, да побыстрее! Вы туточки первые, так что советую выбрать места получше.

У самой лестницы до Маришки донёлся лёгкий запах жареного — видно, неподалёку располагалась кухня.

«Мясо...» — Она ощутила укол голода. И слюна во рту стала гуще.

Мясом в казённых заведениях не кормили. Вернее, раз в пару недель бывало, что им подавали потроха, но вот чтобы на столе появлялась вырезка или что-то положенное учителю и другим господам — нет, никогда. Изменится ли что-то теперь? О, ей очень бы того хотелось...

Наверх сироты поднимались почти в полной тишине.



— Паучье княжество. — Настя отдернула руку от перил, покрытых липкой паутиной и пылью.

Лицо её в тот миг переменилось, сделавшись совершенно потерянным и таким...

«Неживым, как тогда», — подумалось Маришке, и она зябко повела плечами.

С её подружкой такое бывало. Порой. И скоро губ Насти коснулась блуждающая улыбка. Верно, благоразумное молчание Маришки позволило ей взять себя в руки.

«Паучье княжество» — и то верно. Вокруг такая грязь. Это было совсем не привычно.

«Чистота и порядок превыше всего», — это усвоил каждый переступивший порог приюта. Из уст в уста ходила прибаутка: «Коли пол лень протереть — будешь под плетьюми реветь». Неряшливость в сиротских домах приравнивалась к страшнейшим из провинностей, даже за табак секли меньше.

Учитель, оставшийся в зале, крикнул вслед подопечным о предстоящем прибытии нового преподавательского состава. И спешно удалился куда-то в сопровождении рябого прислужника, которого Маришка нарекла про себя «смотрителем».

На третьем этаже, примерно посередине галереи-ложи, в стене вырезана была арка. За ней — крыло. Длинный холодный коридор с единственным белеющим прямоугольником окна в дальнем конце. Стены в облупившейся тёмно-зелёной краске. По обе стороны на расстоянии пары саженей друг от друга — силуэты высоких дверей.

— Похоже на этаж для пг'ислуги, — заметила Настя. — У тётки в доме тоже был такой.

Маришке никогда не приходилось жить в собственном доме, но ежели этаж для прислуги всегда выглядит так, она... не слишком завидовала его обитателям.

«Тебе самой только и светит работа служанки...» — быстро одёрнула она себя.

Спальни разобрали в считанные минуты, и коридор ненадолго опустел. К Маришке и Насте приволоклась жить Таню-

